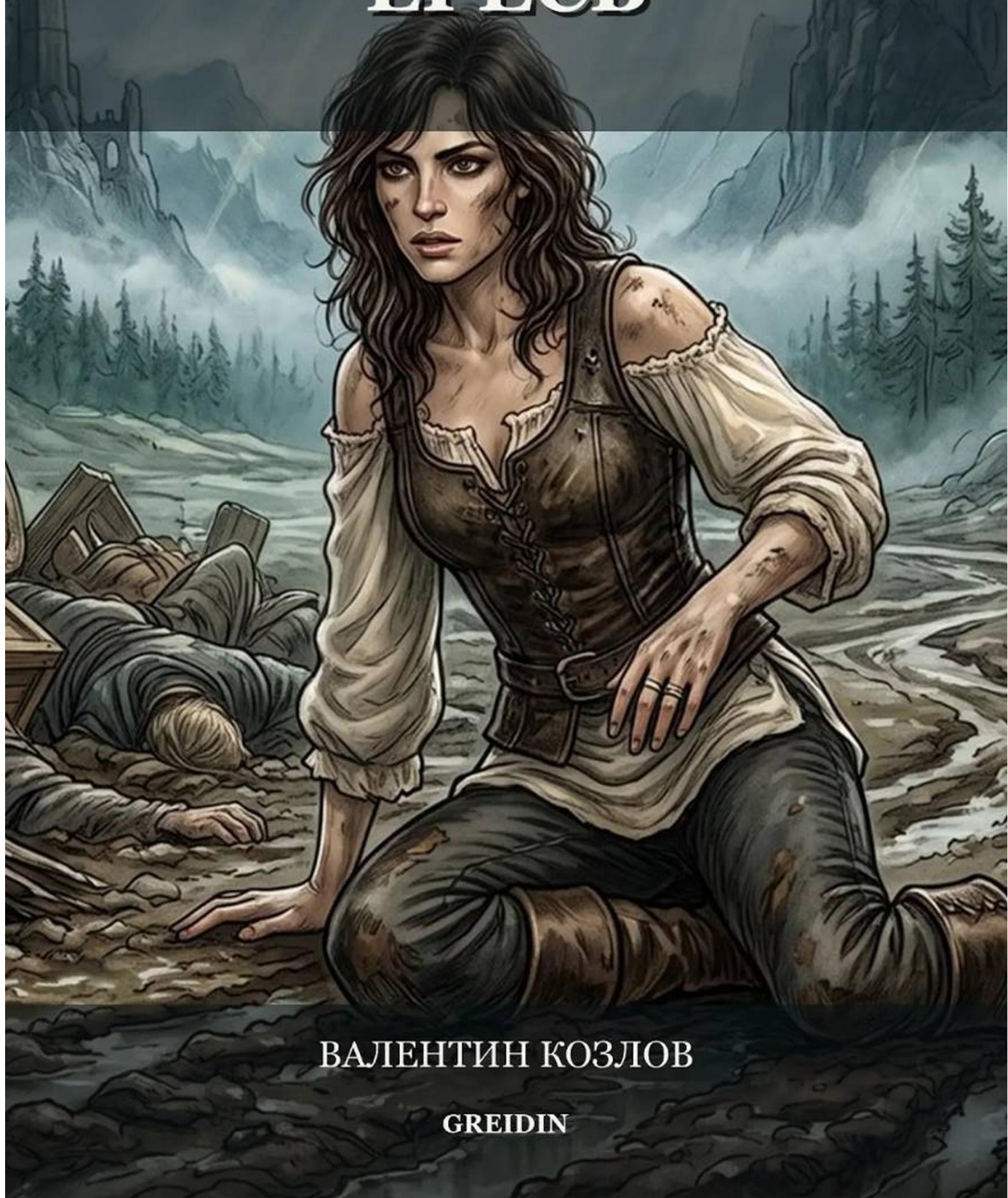

ШЁЛКОВАЯ ЕРЕСЬ

ВАЛЕНТИН КОЗЛОВ

GREIDIN

Greidin

Шёлковая ересь

«Автор»

2026

Greidin

Шёлковая ересь / Greidin — «Автор», 2026

Женщина приходит в себя в незнакомом магическом городе и обнаруживает способность чувствовать чужую боль и связи между людьми. Оказавшись между купальнями, церковью, городским советом и борьбой за зерно, она помогает раскрыть механизм подчинения и не допустить казни, постепенно создавая правила взаимной ответственности.

© Greidin, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Чужая грязь	5
Глава 2: Пошлина за кожу	13
Глава 3: Медный пар	21
Глава 4: Правила отклика	30
Глава 5: Торги пустыми именами	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Greidin

Шёлковая ересь

Глава 1: Чужая грязь

Я пришла в себя оттого, что дождь заливал мне левую ноздрю.

Пришлось поднять голову. Щека отлипла от грязи с тихим чавканьем, во рту обнаружились песок, прядь волос и привкус железа. Я выплюнула всё, что получилось, перевернулась на спину и несколько секунд смотрела вверх.

Надо мной висело низкое серое небо. Капли падали прямо в глаза. Ни потолка, ни цветных ламп, ни чёрного квадрата камеры на стойке.

Последним я помнила телефон в ладони. На экране дрожало мамино лицо, потому что она опять звонила по видео, а не обычным способом. Я сбросила вызов. В кухне гремела музыка, кто-то сунул мне под нос прозрачную ампулу без этикетки, только с выпуклым клеймом — три узких лепестка вокруг пустого круга, — и я ещё спросила, почему от содержимого пахнет мокрой монетой.

Дальше ничего.

Я села. Мир качнулся, но не развалился. Голова болела терпимо; бывало хуже после ночных съёмок, хотя сравнение мало помогало, поскольку вокруг не наблюдалось ни одного ассистента с водой и договором.

На мне осталось чёрное платье. Подол задрался до талии, одна бретель лопнула, правый сапог исчез. Трусы были на месте. Крови между ног не было. Руки слушались, пальцы сгибались, шея поворачивалась. На затылке нашлась шишка, на колене — свежая ссадина.

Я закончила проверку и только после этого посмотрела по сторонам.

На дороге лежала повозка.

Её завалило набок, одно колесо торчало в воздухе, медленно проворачиваясь под дождём. Из разорванного тента высыпались мешки и глиняные горшки. Два тела лежали у колеи, ещё одно свесилось через разбитый борт так, что рука касалась земли. На пальце у него блестело медное кольцо.

Я встала, придерживая платье у груди.

Босая ступня сразу ушла в холодную жижу. Сапог лежал возле канавы, каблук был сломан. Я вылила из него воду, натянула и прихромала к повозке.

Первый мужчина был мёртв. Это выяснилось без специальных знаний: затылок у него отсутствовал там, где затылку полагалось находиться. Возле тела валялась короткая дубинка, облепленная волосами.

Я отвернулась и увидела женщину в длинной серой рубахе. Она лежала на боку, поджав ноги, словно уснула. Под ладонью расплзалась тёмная лужа. Её глаза были открыты, в ресницах собиралась вода.

— Эй! — донеслось из-под повозки. — Если ты не покойница, подойди сюда.

Голос был мужской, злой и вполне живой.

Я обошла поднятое колесо. Из-под рамы торчали две ноги в тяжёлых сапогах. Одна шевельнулась.

— Где вы? — спросила я.

— Под этой гребаной телегой. Сложно промахнуться.

Я присела. Между осью и землёй виднелось лицо: тёмная щетина, разбитая бровь, мокрые волосы. Мужчине было около сорока. Левое плечо прижало деревянным брусом, зато грудь

поднималась ровно. Его правая ладонь лежала снаружи. Кожа на ней блестела гладким старым ожогом от запястья до мизинца.

— Ноги чувствуете?

— Чувствую.

— Пальцами пошевелить можете?

Он пошевелил обоими сапогами.

— Счастлива?

— Нет. Но позвоночник, вероятно, цел. Что случилось?

— Нас ограбили. Потом пошёл дождь. Потом явилась ты и начала задавать вопросы.

— В таком порядке?

— Насчёт дождя могу ошибаться.

Я ухватила за мокрую раму и попробовала поднять. Повозка не заметила усилия.

— Нужен рычаг, — сказала я.

— Возле переднего колеса был лом.

— Был?

— Пока нас не ограбили.

Я выпрямилась. На дороге остались следы копыт, уже размытые водой. В канаве белело что-то костяное — не лом. Под телом женщины лежала жердь длиной примерно с мой рост.

Пришлось подойти к ней снова.

— Она умерла, — сказал мужчина из-под повозки.

— Я заметила.

— Тогда чего ждёшь?

— Пока вы перестанете помогать.

Я взялась за жердь. Один конец застрял под бедром мёртвой. Тянуть за палку, не касаясь тела, оказалось невозможно. Я положила ладонь женщине на плечо, перевернула её на спину и освободила дерево.

Тело было ещё тёплым.

Меня вырвало водой и желчью в канаву. Я постояла, упираясь руками в колени, дождалась, пока желудок успокоится, вытерла рот тыльной стороной ладони и вернулась к повозке.

— Закончилось? — спросил мужчина.

— На данный момент.

— Хорошо. Сунь жердь под ось. Там есть камень.

Камень нашёлся. Я устроила на нём жердь, навалилась всем весом и добила несколько сантиметров. Мужчина дёрнулся, выругался и не выбрался.

— Ещё раз, — сказал он.

— Сначала имя.

Он замолчал.

— Зачем?

— Если я сломаю вам что-нибудь важное, будет удобнее извиняться.

— Тавр.

— Полностью.

— Тавр Беск. Теперь поднимай.

— Рада Черемис.

— Очень приятно, Рада Черемис. Поднимай эту суку.

Я переставила ногу, навалилась на жердь и почувствовала, как дерево прогнулось. Тавр потянул плечо. Рама приподнялась ещё немного. Он продвинулся на ладонь, зашипел сквозь зубы и застрял.

Жердь выскользнула. Я упала коленом в грязь. Повозка тяжело опустилась.

Тавр не закричал. Из-под рамы донеслось короткое сипение.

— Живы?

— Нет. Отойди, не мешай разлагаться.

Я ощупала жердь. Мокрая кора сдирала ладони, опора стояла слишком близко к оси. Если найти второй камень и удлинить плечо, могло получиться.

Слева хрустнула ветка.

Тавр перестал дышать.

Я повернула голову.

Из кустов вышел мужчина в кожаном жилете. Капюшон съехал на спину, с носа капала вода. В правой руке он держал узкий нож, в левой — мой второй сапог.

— А я думал, ты лежать останешься, — сказал он.

Он был одним из тех, кто напал на повозку. На голенище сапога темнела кровь.

Я медленно поднялась. Бежать босиком по глине не имело смысла. Драться с ножом — тем более. За спиной лежала дубинка, но до неё требовалось сделать четыре шага и повернуться к мужчине боком.

— Верни обувь, — сказала я.

Он посмотрел на сапог, затем на мои ноги. Взгляд поднялся выше. Платье прилипло к телу и стало почти прозрачным. Я видела, как его рот приоткрылся.

— Заберёшь, если хорошо попросишь.

— А если плохо?

— Тогда без сапога пойдёшь.

— Куда?

— Куда скажу.

Из-под повозки донёсся голос Тавра:

— Он один.

— Заткнись, — бросил мужчина.

— Остальные ушли. Этот вернулся за кольцами.

Мародёр шагнул к раме и поднял нож.

— Эй, — сказала я.

Он остановился.

Я стянула с плеча целую бретель. Мокрая ткань сдвинулась, открывая грудь. Ничего сложного. Его внимание уже прилипло ко мне; требовалось только не дать ему вспомнить про Тавра и нож.

— Сапог сначала, — сказала я. — Потом можешь командовать.

Мужчина ухмыльнулся. Нож опустился на несколько сантиметров.

— На колени.

— В грязь?

— А ты чистая, что ли?

Он смотрел на мою грудь. Не на лицо, не на руки. Зрачки расширились, дыхание стало глубже. Возбуждение не делало его добрее, зато занимало голову. Мне нужен был один шаг вправо, потом ещё один. Дубинка окажется за пяткой.

Я провела пальцами по шее.

— Подойди, — сказала я. — Не люблю кричать через всю дорогу.

Он подошёл.

В левом запястье кольнуло.

Я решила, что поцарапалась о жердь, и не посмотрела. Мужчина оказался так близко, что я почувствовала запах кислого пота и лука. Он бросил сапог, ухватил меня за мокрые волосы и приставил нож под подбородок.

— Теперь проси.

Боль в запястье усилилась. От неё вверх по руке пошло тепло, слишком густое для крови. Чужое дыхание ударило в щёку — и вместе с ним я почувствовала ещё кое-что.

Не догадалась. Именно почувствовала.

Его желание находилось между нами, как натянутая мокрая верёвка. Грубое, простое, смешанное с уверенностью, что нож даёт ему право на всё. За верёвку можно было взяться.

Я взялась.

Мародёр дёрнулся.

Его пальцы сжали мои волосы, потом разжались. Нож остался у горла, но рука задрожала. Улыбка исчезла.

— Что... — выдохнул он.

Я не знала, что делаю. Знала лишь, чего хочу: чтобы он перестал резать людей. Желание подчинилось слишком охотно. Я потянула его вниз, прочь от злости и ножа, в ту часть тела, которой он только что собирался распоряжаться мной.

Мужчина согнулся. Из его горла вырвался хрип.

Боль прошла моё запястье и отдалась между ног горячей судорогой. Не удовольствием — его обломком, загнанным под кожу. Колени ослабли. Я удержалась, цепляясь за чужое желание, и потянула сильнее.

— Брось нож.

Металл упал в грязь.

— Отойди.

Он сделал шаг назад. Потом ещё один. Лицо покраснело, губы посинели. Он смотрел на меня и не видел дороги.

— Рада, — сказал Тавр.

Я слышала, но не ответила.

Власть была отвратительно удобной. Мародёр убил людей, вернулся за кольцами и собирался прикончить беспомощного. Я могла поставить его на колени. Могла заставить ползти. Судя по натяжению между нами, могла отправить прямо под копыта лошади, которая билась в кустах за повозкой.

Мужчина отступил ещё на шаг. Его пятка соскользнула с края дороги.

— Хватит, — сказал Тавр.

Я разжала пальцы, хотя ничего ими не держала.

Связь оборвалась.

Мародёр рухнул на четвереньки, вдохнул и закашлялся. Я нагнулась, подняла нож и отступила к повозке. Он посмотрел на меня снизу. В его взгляде оставались страх и возбуждение, сцепленные так тесно, что меня снова затошнило.

— Уходи, — сказала я.

Он попытался встать.

— Сапог оставь.

Мужчина пополз к кустам, затем поднялся и побежал, спотыкаясь. Лошадь шарахнулась от него. Он ударился плечом о дерево, но не остановился.

Я проводила его взглядом и только потом посмотрела на левую руку.

На внутренней стороне запястья проступили тонкие красные линии. Они образовывали незнакомый знак — три дуги вокруг короткой вертикальной черты. Кожа над ним была горячей и сухой, несмотря на дождь.

— Что это? — спросила я.

Тавр ответил не сразу.

— Сначала вытащи меня.

— Вы узнали.

— Я сейчас узнаю собственную смерть от холода, если ты продолжишь беседовать.

Он соврал. Не словами — паузой перед ними. Я запомнила это и вернулась к жерди.

Мародёр оставил нож. Я вырубил им из края мешка длинную полосу ткани, обмотала ладони и перетасила второй камень. Опора стала ниже, плечо — длиннее.

— Когда подниму, поворачивайтесь на живот, — сказала я. — Плечо не тяните вверх.

— Командуй ещё.

— Могу уйти.

— Не можешь. Тебе холодно, ты босая, и ты не знаешь, где находишься.

— Тогда не мешайте работать.

Я навалилась на жердь. Рама поднялась. Тавр повернулся, протасил зажатое плечо и выполз из-под повозки, помогая себе одной рукой. Когда его ноги освободились, я отпустила рычаг.

Он остался лежать в грязи. На правой руке ожог был старым, левое плечо распухало на глазах. Я разрезала его мокрый рукав. Кость не торчала, сустав выглядел целым.

— Двигать можете?

Тавр приподнял руку и выругался.

— Значит, можете.

— Откуда ты взялась?

— Не знаю.

— Удобный ответ.

— Другого пока нет.

Я вернула грудь под платье и подняла сапог. Каблук у него тоже оказался сломан. Кто-то потрудился над парой последовательно.

Тавр сел, опираясь здоровой рукой о колесо. Он осмотрел мёртвых, задержался взглядом на женщине, из-под которой я вытащила жердь, и отвёл глаза.

— Лошадь поймает?

— Если она не попытается меня убить.

— Не попытается. Она умнее людей.

Лошадь стояла в кустах, запутав поводья в ветках. Я приближалась боком, разговаривая с ней вполголоса. Животное дрожало, но позволило освободить ремни. От его мокрого бока шёл густой тёплый запах.

Когда я вернулась, Тавр уже поднялся. Он нашёл под тентом короткий плащ и набросил мне на плечи.

— Спасибо.

— Не за что. Вернёшь.

Он подошёл ближе и взял меня за левую руку. Обожжённые пальцы были тёплыми. Большим пальцем Тавр провёл рядом со знаком, не касаясь линий.

Его лицо осталось неподвижным. Зато хватка на миг усилилась.

— Потёртость, — сказал он.

— В форме трёх дуг?

— Бывает кожа дурная.

— И светится?

Красные линии действительно слабо светились под его ладонью.

Тавр отпустил меня.

— Ударилась головой.

— Это я тоже заметила.

Он вытащил из кармана чистую полосу полотна и перевязал запястье. Узел лёг точно поверх знака. Слишком быстро. Слишком удобно.

— До города полдня, — сказал Тавр. — Если колесо выдержит.

— Какого города?

— Кеменя.

Название ничего мне не сказало.

— Там есть врач? Полиция? Телефон?

Тавр посмотрел на меня.

— Последнее повтори.

— Неважно.

Он пожал здоровым плечом и поморщился.

Повозку удалось поставить вдвоём. Мы сняли с разбитого борта уцелевшую доску, подсунули под раму и раскачали кузов. Колесо ударилось о землю. Внутри перекатились горшки, один разбился. Мёртвых мы перенесли под тент, чтобы они не остались на дороге. Тавр работал молча, одной рукой. Я тоже молчала.

У женщины на пальце было медное кольцо. Я не сняла его. Тавр проверил карманы остальных, забрал маленький кошелек и ножны. Кольца он тоже не тронул.

Под тентом нашёлся четвёртый паломник. Совсем молодой парень лежал между мешками, придавленный сундуком. На первый взгляд он выглядел целым. Я сунула два пальца ему под челюсть, хотя уже по цвету губ было понятно, что пульса не будет.

— Этого чем? — спросила я.

Тавр отодвинул край рубахи. Под рёбрами темнела узкая рана.

— Шилом. Тихо и дёшево.

Возле его головы валялась деревянная фляга. Я понюхала содержимое. Вода, дым и что-то травяное.

— Пить можно?

— Если он не болел красной рвотой.

Я поставила флягу на место.

— Шутка, — сказал Тавр.

— Не смешная.

— Зато вода осталась.

Я прополоскала рот, выпила несколько глотков и заставила Тавра сделать то же самое. Он сопротивлялся скорее из характера, чем по делу. Дождь смывал грязь с его лица и затекал за ворот; губы уже начали синеть.

В одном из уцелевших горшков оказался жир с резким запахом. Тавр велел намазать им ступицу. Я держала колесо, пока он работал здоровой рукой. Повозка скрипела при каждом движении, словно имела собственное мнение насчёт возвращения на дорогу.

— Это выдержит полдня? — спросила я.

— Если не гнать.

— А если отвалится?

— Пойдём пешком.

— У вас плечо.

— У тебя каблуков нет. Оба переживём унижение.

Я осмотрела груз. На мешках стояли одинаковые чёрные знаки, похожие на сжатый кулак или бутон. Внутри перекатывалось зерно. Под лавкой лежал свёрток грубой одежды, моток верёвки и металлическая коробочка с иглой, нитками и двумя изогнутыми крючками.

Ни пластика, ни машинной строчки, ни надписей, которые я могла прочесть. Пряжки были коваными, доски тесаными, ткань пахла дымом. В кармане платья оставалась помада в серебристом футляре. Я достала её, покрутила и убрала обратно. Механизм работал. Других мелких вещей из прежней жизни при мне не осталось.

— Ты чего ищешь? — спросил Тавр.

— Сумку.

— Какую?

- Маленькую, чёрную. Телефон. Ключи. Деньги.
- На дороге не было.
- Вы смотрели?
- Пока лежал под осью, осмотрел всё особенно внимательно.

Я проигнорировала ответ и прошла назад по колее. Нашла обрывок серебристой мишуры, прилипший к репейнику. Такая висела в кухне на вечеринке. Я подняла полоску. Она оказалась внутренней оболочкой местного мешка, тонкой и блестящей от рыбьей чешуи.

Дальше следы повозки смешивались с копытами нападавших. Ни телефона, ни асфальта, ни проводов над дорогой. За деревьями тянулись тёмные поля, разделённые каменными оградами. На дальнем склоне стояла башня с лопастями. Она медленно поворачивалась под ветром.

Я вернулась к Тавру.

— Какой сейчас год?

Он назвал число, которое ничего мне не сказало.

— Страна?

— Аркена.

— Континент?

— Ты уверена, что только головой ударилась?

— Нет.

Тавр затянул ремень на ступице и испытал колесо рывком.

— Тогда перестань искать ответы посреди дороги. Здесь от них теплее не станет.

Практически он был прав. Это раздражало сильнее грубости.

Мы перенесли четвёртое тело под тент. Парень оказался лёгким. Когда я взяла его под мышки, голова запрокинулась, и изо рта вытекла вода с кровью. Я удержала желудок на месте, дотащила его до остальных и закрыла лица куском серого полотна.

Тавр наблюдал за мной, привалившись к борту.

— Раньше мёртвых не видела?

— Видела.

В морге, куда нас пустили на опознание двоюродного брата, мне было девятнадцать. Там тело лежало чистым, накрытым и уже не пахло человеком. Рассказывать об этом Тавру я не стала.

— Но не таких, — добавила я.

— К таким тоже привыкают.

— Не хочу.

Он поднял кошель, взятый у одного из паломников, и пересыпал содержимое на ладонь. Несколько медных кружков, две серебряные пластинки и маленькая белая бусина. Половину монет Тавр положил обратно под полотно, остальные убрал себе.

— Это что сейчас было?

— Плата за доставку тел.

— Они с вами договаривались?

— Они наняли повозку. До Кеменя ещё не доехали.

— Удобно.

— Можешь не ехать.

Я затянула плащ и посмотрела на лес, откуда ушёл мародёр.

— Могу. Но не буду.

— Они кто? — спросила я, когда мы закончили.

— Паломники.

— Куда шли?

— Уже никуда.

Я посмотрела на него.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Он вернул мне мои же слова без улыбки.

Лошадь встала в оглобли. Тавр забрался на козлы, стиснув зубы, и кивнул на место рядом. Я устроилась под плащом. Сломанные каблуки пришлось оторвать окончательно; оба сапога стали короткими и неудобными, но хотя бы защищали ступни от холода.

— Плата, — сказал Тавр, когда повозка тронулась.

— За что?

— За дорогу, плащ и молчание.

— Я вытащила вас из-под повозки.

— Поэтому попрошу услугу, а не деньги.

— Какую?

— Скажу в городе.

— Нет.

Тавр натянул вожжи, объезжая яму.

— Тогда слезай.

Я посмотрела назад. Под тентом лежали четыре паломника, за повозкой тянулась пустая дорога, а мародёр мог вернуться не один. Красные линии под повязкой всё ещё жгли кожу.

— Услуга без убийства, — сказала я.

— Что?

— Я никого не убиваю. Это условие.

Тавр повернул голову. Несколько секунд он рассматривал меня, затем сплюнул за борт.

— После того, что ты сделала с тем падальщиком, именно убийство тебя беспокоит?

— Он ушёл живым.

— Я видел.

— Значит, договорились.

— Одна услуга. Без убийства.

— И без обещания, что я соглашусь на всё остальное.

— Тогда это не плата.

— Тогда посадите меня.

Повозка продолжала катиться. Тавр хмыкнул и поправил вожжи.

— Договорились, Рада Черемис. Одну услугу назову заранее. Откажешься — найдёшь другой ночлег.

Это было достаточно похоже на условия, чтобы я кивнула.

Дождь слабел. Дорога поднялась на длинный холм, и впереди показались каменные столбы. Между ними висели белые полотнища с вышитой чёрной нитью. Возле шлагбаума стояли люди в одинаковых светлых плащах.

Тавр заметил их и выругался.

Потом посмотрел на мою перевязанную руку, проверил узел и затянул его ещё туже.

Глава 2: Пошлина за кожу

— Не трогай повязку, — сказал Тавр.

— Я и не собиралась.

— И не разговаривай, пока не спросят.

— Вы очень убедительно изображаете человека, которому нечего скрывать.

Он придержал лошадь. До шлагбаума оставалось шагов сорок. Белые полотнища на столбах обвисли после дождя; чёрная вышивка складывалась в знак, похожий на зашитый рот. Под навесом горели две жаровни. Возле первой стояли трое в светлых плащах, возле второй раздевалась женщина с корзиной.

Она сняла рубаху до пояса и подняла руки. Служитель осмотрел подмышки, грудь и запястья, даже не изменившись в лице. Рядом ждали мужчина и девочка лет десяти. Девочка держала материнскую одежду и смотрела на угли.

— Они всех раздевают? — спросила я.

— Сегодня — похоже.

— Почему?

Тавр дёрнул здоровым плечом, потом вспомнил про левое и поморщился.

— Потому что могут.

Шлагбаум был опущен. Перед ним скопились две телеги и десяток пеших. Никто не ругался. Люди переступали с ноги на ногу, предъявляли бумаги, поднимали рукава. Светлые плащи работали спокойно, без крика. Именно поэтому очередь двигалась медленно.

Тавр повернулся ко мне.

— Тебя зовут Мера Шелк.

— Нет.

— На ближайшие полчаса — да. Ты нанялась в придорожной харчевне помогать с телами.

— Я выгляжу как могильщик?

Он осмотрел мокрое платье, плащ и сапоги без каблуков.

— Ты выглядишь дешево. Для заставы достаточно.

— Спасибо.

— Говор у тебя странный. Скажешь, мать была с южных островов.

— Назовите хоть один.

Тавр посмотрел на меня так, словно только сейчас понял масштаб проблемы.

— Молчи, — повторил он.

Очередь продвинулась. Служитель у жаровни надел женщине на запястье медное кольцо, подержал и снял. Затем позволил одеться. Она торопливо натянула рубаху, забрала корзину и ушла, не взглянув на остальных.

— Что проверяет кольцо?

— Жар.

— Болезнь?

— Иногда.

Ответ означал, что он снова врёт или выбирает слова. Я подтянула плащ на груди. Под полотняной повязкой знак уже не жёг, но от одного вида медного кольца кожа начала покалывать.

Подошёл служитель с деревянной дощечкой.

— Откуда?

— С Вересковой дороги, — ответил Тавр.

— Груз?

— Четыре тела, зерно, личное имущество паломников. Нападение возле старой мельницы.

Служитель заглянул под тент. Запах оттуда успел стать тяжелее. Он быстро отступил и прикрыл рот рукавом.

— Полотно убрать.

Тавр не пошевелился.

— Сам убирай. У меня плечо.

Служитель подозвал караульного помоложе. Тот забрался в повозку, откинул серую ткань и стал поворачивать головы мёртвых к свету жаровни. Делал он это двумя пальцами за подбородок, стараясь не касаться кожи лишней раз.

— Знаки есть?

— На женщине нет. На первом нет.

— Запястья смотри.

Молодой караульный поднял руку женщины. Медное кольцо на её пальце звякнуло о борт. Затем он проверил мужчин, назвал четыре отрицательных ответа и вытер пальцы о мешок с зерном.

— Кольца и деньги при них? — спросил служитель.

— Половина платы у меня, — сказал Тавр. — Остальное под полотном. По договору.

— Мёртвые договор не подтверждают.

— Можешь спросить.

Служитель записал что-то на дощечке. Я не понимала знаков, но заметила, что строка напротив имени Тавра стала длиннее.

Караульный проткнул шупом первый мешок. Высыпалось зерно. Второй пах травами, в третьем лежали свёртки одежды. Металлическую коробочку с иглами он открыл, потряс и вернул. Нож мародёра нашёлся под лавкой.

— Это не мой, — сказал Тавр.

— Теперь твой.

— Тогда запиши как трофей.

— Запишу как оружие без ножен.

— Ножны украли.

— Очень предусмотрительные разбойники.

Двое служителей рассмеялись. Тавр не стал отвечать. Пока они спорили о ноже, я увидела на стене караульного домика лист с рисунком человеческой руки. На внутренней стороне запястья была нарисована тёмная фигура, но расстояние и дождь не позволяли рассмотреть форму. Под рисунком шли три строки крупных знаков.

Я прижала левую руку крепче.

Молодой караульный прыгнул с повозки.

— Четверо мёртвых. Следов жара нет. Груз по бумаге, кроме ножа и девки.

Служитель кивнул и только после этого повернулся к нам.

— Живые?

— Если найдёшь пятого, будешь первым.

— Я спросил про вас.

— Я живой. Девка тоже.

Дощечка повернулась ко мне.

— Имя?

— Мера Шелк.

Тавр едва заметно выдохнул.

— Откуда?

Я молчала.

— С южных островов, — сказал Тавр.

Служитель посмотрел на него.

— С каких?

— С дальних.

— Они все дальние.

Я кашлянула, изображая усталость, хотя ничего изображать не требовалось. Служитель перевёл взгляд на мои сапоги.

— Бумаги.

Тавр вытащил из внутреннего кармана сложенный лист. Дождь размыл край, печать расплзлась синим пятном. Служитель развернул его на дощечке.

— Здесь четверо паломников и один возница.

— Так и было до нападения.

— Девки нет.

— Поэтому её и наняли после.

— Где наняли?

— У старой мельницы.

— Там нет харчевни.

Тавр помолчал.

— Уже нет, — сказал он.

Служитель поднял глаза.

Я отвернулась, чтобы не рассмеяться. Получилось похоже на кашель.

— Рукава вверх, — приказал он.

Тавр показал обе руки. Ожог на правой ладони служителя не заинтересовал. Левую Тавр поднял не выше груди; плечо не позволяло.

— Ещё.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что сверху лежала повозка.

Служитель ощупал плечо. Тавр побледнел и выругался без звука.

— К лекарю после ворот. Ты тоже, — сказал служитель мне. — Плащ сними.

Я развязала завязки одной рукой и передала короткий плащ Тавру. Полотно на левом запястье сразу стало заметнее.

— Рукава, — повторил он.

У платья не было рукавов. Я подняла правую руку и оставила левую у груди.

— Обе.

За моей спиной заржала лошадь. На соседней полосе мужчина спорил из-за мешка муки. Внимание служителя на секунду ушло туда, но вернулось.

— Она порезалась, — сказал Тавр.

— Развяжи.

— Рана откроется.

— Тогда откроется здесь.

Служитель протянул руку.

Я отступила.

Он не повысил голоса. Просто поднял два пальца. От жаровни к нам двинулись ещё двое.

В этот момент из караульного домика вышел человек в коротком белом плаще. Остальные носили под тканью шерстяные рубахи, а у него ворот застёгивался серебряной скобой. Он был худым, с серым лицом и аккуратно выбритой головой. Возраст определить не получилось: морщины возле рта делали его старше, движения — моложе.

— Что задерживает очередь? — спросил он.

— Лишняя пассажирка без записи, господин дознаватель. Не показывает левую руку.

Дознаватель подошёл. Его взгляд прошёл по Тавру, повозке, мокрому документу и оставился на узле повязки.

— Имя? — спросил он меня.

— Мера Шелк.

— Ваше, не дорожное.

Я посмотрела на Тавра.

— Рада, — сказала я. — Рада Черемис.

Тавр медленно закрыл глаза.

Дознаватель протянул руку.

— Кавен Рут. Ладонь.

Он назвал себя без угрозы, как человек, которому не требовалось доказывать право приказывать. Я показала правую ладонь.

— Другую.

— Там порез.

— Я слышал.

Он не смотрел на мою грудь. Вообще. Взгляд оставался на лице и руках, а тело учитывалось как предмет досмотра. Ни отвращения, ни интереса. Это осложняло задачу.

Кавен взял край повязки. Его пальцы были сухими и холодными.

Под тентом что-то стукнуло. Один из горшков перекатился по доскам. Кавен не отвлёкся.

— Господин дознаватель, — позвал служитель от второй жаровни. — Здесь ещё одна.

Кавен остановился, не развязав узел.

У соседней телеги стояла молодая женщина в распахнутой рубахе. На животе у неё темнело родимое пятно. Служитель держал медное кольцо над её запястьем; металл испускал тонкий дым.

— В отдельную, — сказал Кавен.

Женщина вскрикнула. Двое караульных взяли её за локти. Муж рядом попытался вмешаться и получил древком копья под рёбра. Девочка, державшая одежду, прижала рубаху матери к лицу.

Кавен снова повернулся ко мне.

— Продолжим.

Я уже знала, чем закончится медное кольцо возле моего знака.

Начальник караула стоял у шлагбаума. Я определила его по красной перевязи и привычке не носить ничего самому. Он командовал проверкой, но всякий раз отводил взгляд, когда женщины раздевались. Сейчас он смотрел на девочку, не на её мать.

Не стыдливость. Усилие.

— Мне холодно, — сказала я Кавену.

— Это не причина прятать руку.

— Зато причина попросить плащ у вашего начальника.

Красная перевязь услышал. Мужчина повернулся.

Я улыбнулась ему и позволила бретели соскользнуть с правого плеча. Мокрая ткань платья снова прилипла к груди. Не требовалось изображать желание; достаточно было показать, что я заметила его усилие и могу сделать вид, будто оно мне нравится.

— Господин, — сказала я. — Одолжите на минуту. Ваши люди хотят, чтобы я разделась, а дрожащие женщины обычно выглядят хуже.

Начальник посмотрел на Кавена.

— Порядок есть порядок.

— Я не спору.

Я подошла на шаг. Левую руку держала между нами, прижатой к груди. Если он снимет плащ сам, ткань накроет повязку.

Мужчина сглотнул. Под красной перевязью дёрнулась мышца.

— Сними свой, — сказал он одному из караульных.

— Я просила ваш.

Это было нагло и поэтому прозвучало как приглашение. Он расстегнул застёжку.

В запястье кольнуло.

Я сразу почувствовала знакомую верёвку. Здесь она была тоньше, чем у мародёра, зато тянулась не к ножу и злости, а к годами сдерживаемому любопытству. Начальник хотел смотреть. Хотел, чтобы женщина сама разрешила ему смотреть, и ненавидел себя за это раньше, чем успевал повернуть голову.

Я не собиралась тянуть.

Только коснулась.

Он подошёл вплотную и набросил плащ мне на плечи. Я подняла левую руку под тканью, спрятала запястье в складках и позволила его пальцам задержаться возле ключицы.

— Теплее? — спросил он.

— Намного.

Верёвка натянулась сама.

Знак вспыхнул под повязкой. Жар прошёл до локтя, затем ударил в живот. Начальник вдохнул, будто его толкнули. Его зрачки расширились. Я попыталась отпустить связь — и не поняла, как.

— Бумаги неверные, — сказал Кавен.

Начальник не отреагировал.

— Господин Ревек, — повторил Кавен.

Тот смотрел на мои губы.

Я отступила. Он шагнул следом, удерживая край плаща.

— Пропустите нас, — сказала я.

— Конечно.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— И тела, — добавил Тавр. — С ними тоже хотелось бы.

— Всё пропустить.

Служитель с дощечкой замер.

— Господин, досмотр не закончен.

— Закончен.

— Но кольцо...

— Я сказал — закончен.

На шее начальника выступил пот, хотя после дождя воздух оставался холодным. Его рука поднялась к моему лицу. Не угрожающе. Он хотел коснуться щеки прямо перед подчинёнными и Кавеном, забыв, где находится.

Я ударила его пальцами по запястью.

— Не сейчас.

Он остановился. На секунду в глазах появилась ясность, затем снова ушла.

Боль в моём запястье стала резкой. Я представила верёвку и мысленно разжала ладонь. Ничего. Тогда я перестала улыбаться, отвернулась и подумала не о его желании, а о девочке у соседней телеги, которая всё ещё держала материнскую рубаху.

Связь лопнула.

Начальник качнулся. Я поймала плащ, чтобы он не сорвал его с меня. Мужчина провёл ладонью по лицу и огляделся.

— Что вы... — начал он.

Кавен подал ему мокрый документ Тавра.

— Вы разрешили проезд, господин Ревек.

Начальник посмотрел на бумагу, на меня, на собственный расстёгнутый ворот.

— Я разрешил?

— При свидетелях.

Кавен взял дощечку, поставил на документ маленькую квадратную печать и вернул Тавру.

— Шлагбаум поднять.

Служители подчинились. Ревек открыл рот, но не нашёл приказа, который не отменял бы его предыдущие слова.

Тавр тронул вожжи.

Когда повозка поравнялась с Кавеном, тот положил ладонь на борт.

— Рада Черемис.

Я повернулась.

— Южные острова называются Нерр, Тойва и Малый Санд. В следующий раз выберите один.

— Учту.

— Я рассчитываю.

Он убрал руку.

За шлагбаумом дорога пошла вниз. Я ждала крика, топота или хотя бы свиста. Ничего не произошло. Белые полотнища остались позади, люди у жаровен продолжили досмотр, а женщина с дымящимся кольцом исчезла в боковой двери.

Тавр не говорил, пока столбы не скрылись за поворотом.

Потом остановил лошадь.

— Плащ верни.

— Он не ваш.

— Поэтому и верни. Краденое с начальника заставы заметнее краденного у меня.

Я сняла белый плащ. Под ним повязка дымилась тонкой струйкой. Тавр выругался, выхватил флягу и полил ткань водой.

— Осторожнее.

— Это ты мне говоришь?

Он сорвал верхний виток полотна. Красные линии стали ярче и шире. От трёх дуг тянулись короткие ответвления, которых раньше не было.

— Потёртость? — спросила я.

Тавр завязал повязку обратно.

— Теперь уже нет.

— Что это?

— Сначала верни плащ.

Я бросила белую ткань в придорожную канаву.

Тавр посмотрел на неё.

— Тоже решение.

Мы поехали дальше. Я держала левую руку на коленях. После разрыва связи внутри осталась пустота, похожая на голод, хотя есть не хотелось. Впервые я точно знала: начальник караула пропустил нас не потому, что я удачно улыбнулась. На несколько минут он перестал выбирать.

— Сколько? — спросила я.

— Что?

— Вы знаете, что это за знак. Сколько за него дают?

Тавр поправил вожжи здоровой рукой.

— Не знаю.

— У вас плохо получается.

— Что?

— Врать. Вы делаете паузу, а потом отвечаете на более удобный вопрос.

— Полезное наблюдение.

— Сколько?

Он назвал сумму. Число ничего мне не говорило.

— Переведите.

— Хорошая лошадь, новая повозка и дом за городской стеной. Если не возле выгребной канавы.

Я посмотрела на него.

— И вы решили не брать?

— Я ещё ничего не решил.

Его обожжённая ладонь лежала на вожжах. Между указательным и средним пальцами белел маленький костяной жетон. Раньше его там не было — или я не заметила. На одной стороне был вырезан зашитый рот, на другой — четыре короткие черты.

Тавр поймал мой взгляд и сжал жетон в кулаке.

— Награда за сведения? — спросила я.

— Награда за помощь при задержании.

— Вы приготовили его до заставы.

— Приготовил.

— Почему не отдали?

— Потому что тогда пришлось бы объяснять, откуда ты взялась в моей повозке, почему в бумагах тебя нет и почему четверо нанявших меня паломников мертвы. Я бы получил награду и камеру. Плохая торговля.

— Значит, исключительно расчёт.

— Тебе станет спокойнее, если скажу, что понравилась грудь?

— Нет.

— Вот и мне нет.

Он убрал жетон в карман.

По обе стороны дороги появились дома. Низкие каменные стены, тёмные крыши, канавы с дождевой водой. На верёвках между окнами висело бельё. У одного порога мужчина выжимал длинные волосы женщины, сидевшей у него между колен. Они не прятались и не обращали на нас внимания.

— Кавен нас отпустил, — сказала я.

— Начальник отпустил.

— Кавен поставил печать после того, как понял, что с начальником что-то не так.

— Значит, не отпустил. Проследил.

Я оглянулась. За нами ехала телега с дровами. Дальше шли двое пеших. Никто не смотрел прямо.

— Кто он?

— Дознаватель Белого Шва.

— Это название должно меня пугать?

— Не обязано. Страх и без названия работает.

Тавр свернул с широкой дороги в переулочек. Повозка едва прошла между стенами. Колесо закрипело сильнее.

— Вы сказали, знак уже встречался.

— Не говорил.

— Зато перевязали его до заставы и знаете цену.

Он молчал достаточно долго.

— Орден ищет такие отметины не первый десяток лет. Иногда находит людей. Иногда — только рисунки и записи.

— Что происходит с людьми?

— Мне не рассказывали.

На этот раз паузы не было. Возможно, правда.

— Где записи?

— Часть в местном архиве. Старые дознания, описи вещей, протоколы. Если их не увезли.

Слово «архив» оказалось первым предметом в этом мире, который я понимала полностью. Бумаги можно читать, даже если пока не знаешь язык. Их можно украсть, скопировать, заставить кого-нибудь перевести. Если до меня здесь появлялись люди с тем же знаком, один из них мог прийти тем же путём.

Я вспомнила прозрачную ампулу и запах мокрой монеты.

— Мне нужно туда попасть.

— Тебе сначала нужно не попасть к Кавену.

— Одно другому мешает?

— Обычно да.

Повозка снова повернула. Впереди показалась вывеска — медный круг над дверью, из которой валил пар. Окна запотели изнутри. Рядом стояли две женщины в коротких халатах и курили одну трубку на двоих.

Тавр остановил лошадь у служебных ворот.

— Здесь переждёшь.

— Что это?

— Купальни.

— И кому вы меня продаёте теперь?

— Пока никому. Не портить цену.

Он спрыгнул с козел, неудачно дёрнул левым плечом и прислонился к борту. Я слезла следом.

На углу переулка появился мужчина с вязанкой хвороста. Он прошёл мимо входа, не замедляясь, но подошвы у него были чистыми после дождя.

Я посмотрела на Тавра.

— За нами.

— Вижу.

— Ваш Кавен?

— Не мой.

Тавр постучал в служебную дверь: два раза, пауза, ещё один.

Засов сдвинулся.

Глава 3: Медный пар

Дверь открылась ровно настолько, чтобы в щели показался женский глаз.

— У тебя плечо отвалилось? — спросили изнутри.

— Пока держится.

— Тогда зачем стучишь так жалобно?

Тавр упёрся здоровой рукой в косяк.

— Сейра, открой.

Глаз переместился на меня, задержался на повязке и вернулся к Тавру.

— Это не лекарство.

— Я заметил.

Засов отошёл до конца. За дверью стояла высокая женщина в длинном сером халате. Волосы у неё были собраны на затылке медной шпилькой, на шее блестели капли пота. Возраст угадывался где-то между сорока и пятьюдесятью, но лицо не помогало: гладкие щёки соседствовали с двумя глубокими складками у рта.

Она пропустила нас и сразу закрыла дверь.

Тавр кивнул на маленькое окно над мойкой.

— За повозкой шёл человек. Вязанка сухая, подошвы чистые.

— Чей?

— Если бы знал, сказал бы.

— Ты обычно сначала врёшь, потом говоришь.

— Сегодня плечо болит. Сократил порядок.

Женщина сняла шпильку, провела ею под засовом и проверила, лёг ли металл в паз. После этого повернулась ко мне.

— Имя.

— Рада.

— Настоящее?

— На заставе подошло.

— Там многое подходит один раз.

Тавр прислонился к стене. От него на побелке осталось мокрое пятно.

— Сейра Вельд, — сказал он. — Хозяйка. Сейра, это Рада Черемис. Ей нужно переждать.

— До чего?

— Пока человек с хворостом не выберет кого-нибудь интереснее.

Сейра открыла узкий шкаф, достала два грубых полотенца и бросила одно мне, второе Тавру.

— Повозку оставил снаружи?

— Там четыре тела.

— Тем более.

— Есть двор?

— Для живых.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Тавр первым отвёл глаза, снова открыл дверь и вышел к лошади.

Сейра указала мне на деревянную скамью.

— Платье снимай.

— Вы быстро переходите к делу.

— Ты течёшь на пол.

Вода действительно собиралась под сапогами. Я села и стащила их. Кожа на ступнях побелела и сморщилась. Сейра поставила обувь возле тёплой кирпичной стены, затем принесла таз.

- Повязку не мочить?
- Желательно.
- Кто завязывал?
- Тавр.
- Значит, точно не мочить.

Я сняла платье. Прилипшая ткань тянула кожу, целая бретель зацепилась за волосы. Сейра не отвернулась и не стала рассматривать меня дольше, чем требовалось, чтобы заметить ссадину на колене и синяк у бедра.

Она дала мне короткий льняной халат.

- Моечная прямо. Женский зал налево. В общий не ходи.

— Почему?

— Потому что я сказала.

— Убедительно.

— До закрытия можешь греться. Потом расскажешь, почему за тобой идут люди с чистыми подошвами.

Из коридора пахло горячим камнем, мылом и влажной древесиной. После дороги воздух казался густым. Я сделала вдох, и грудь впервые за много часов не свело от холода.

В моечной вдоль стены тянулись медные трубы с деревянными кранами. Вода из одного оказалась холодной, из другого — почти кипящей. Я смешала её в тазу и вымыла волосы серым куском мыла. Грязь стекала по телу тёмными ручьями. На колене зашипало, ладони саднило под содранной кожей.

Повязку я держала над водой. Под ней пульсировало тепло, уже слабое.

В женском зале на каменных лежаках сидели семь человек. Две женщины были голыми, третья кормила грудью ребёнка, четвёртая растирала маслом плечи пожилому мужчине. Никто не замолчал, когда я вошла. Они спорили о цене угля и о том, кто опять занял сушильную комнату мешками.

Я села возле стены. Камень обжёг бёдра через тонкий халат.

Девушка напротив показала на мою руку.

— Порезалась?

— Да.

— У Летты есть мазь.

— Уже обработали.

Она кивнула и вернулась к разговору. Никто не потребовал объяснить, почему под халатом нет одежды. Мужчина перевернулся на живот, женщина шлёпнула его по пояснице и велела не сопеть. Ребёнок заснул у груди.

Я закрыла глаза.

Тело отогревалось частями. Сначала заболели пальцы ног, потом ладони, затем место под повязкой. Голод внутри, оставшийся после Ревека, тоже отозвался. Он не был похож на обычное возбуждение. Скорее на пустое пространство, куда можно было втянуть чужое тепло, если перестать осторожничать.

Я пересела дальше от людей.

Через несколько минут в зал вошла Сейра и поставила рядом миску с густой кашей.

— Ешь.

— Это входит в бесплатное укрытие?

— Нет. Отработаешь в прачечной.

Каша пахла луком и жиром. Я обожгла язык первой ложкой и всё равно не остановилась.

— Тавр уехал? — спросила я.

— Отвёз мёртвых в Дом последнего масла. Потом, если хватит ума, покажет плечо лекарю. В это я не верю.

— Наблюдатель?

— Прошёл два раза. Теперь сидит у булочника.

— Может, любит хлеб.

— Тогда ему следовало купить.

Она дождалась, пока я выскребу миску, и забрала её.

— Через час в счётную.

— Для допроса?

— Для разговора. На допросе дверь запирают снаружи.

До назначенного часа меня отправили в прачечную. Там было жарче, чем в общем зале. Под потолком висели простыни, с деревянных балок капало, а две женщины по локоть в пене выжимали бельё через валки. Одна сунула мне корзину с мокрыми халатами и показала на свободную верёвку.

Я развесила первый халат поперёк, как привыкла сушить вещи дома. Женщина сняла его и перевернула лапами вниз.

— Медью порвёт, — сказала она.

В нижний край были вшиты маленькие тяжёлые пластинки. Я не заметила их под мокрой тканью.

— Зачем они?

— Чтобы в парной не задиралось.

Вторая прачка фыркнула.

— Пусть задирается. Меньше стирать.

— Тебе лишь бы не работать.

— Мне лишь бы люди не притворялись, что пришли сюда ради чистых локтей.

Они продолжили спор, не ожидая от меня участия. Я повесила следующий халат правильно. На соседней верёвке сушились кожаные фартуки, детские пелёнки и длинная красная лента с пришитыми колокольчиками. Никто не разделял бельё на приличное и неприличное. Его делили на то, что сохнет быстро, и то, что займёт верёвку до утра.

В дверь заглянул мальчик с корзиной угля.

— Сейра сказала, чужую наверх.

— У чужой имя есть, — ответила прачка.

— Я не знаю.

— Тогда спроси.

Мальчик посмотрел на меня.

— Как тебя?

— Рада.

— Раду наверх.

Он исчез. Прачка протянула мне кусок сухой ткани.

— Ладони вытри. Сейра считает грязные пальцы признаком плохого воспитания, а кровь на книгах — расходом.

Я посмотрела на содранную кожу. После тёплой воды ранки снова открылись. Женщина молча поставила рядом банку с жирной зелёной мазью, но повязку на запястье не тронула.

Счётная комната находилась над котельной. Пол под ногами был тёплым, в узком окне запотели стёкла. На столе лежали связки дощечек, медные монеты и толстая книга с кожаными уголками.

Сейра усадила меня напротив. Тавр уже вернулся и стоял у шкафа с рукой на перевязи. Его волосы подсохли и торчали в разные стороны.

— Лекарь? — спросила я.

— Жив.

— Я про вас.

— Тоже.

Сейра положила передо мной три монеты: круглую медную, квадратную серебряную и тонкую чёрную пластинку с отверстием.

— Что это?

— Деньги.

— Какие сколько стоят?

Я посмотрела на Тавра.

— Не помогай, — сказала Сейра.

— Я и не собирался.

— Медная меньше серебряной, — ответила я. — Чёрная может быть жетоном, налоговой маркой или билетом.

— Долговая доля угольного двора. Ею можно оплатить баню в последний день недели. Какой сегодня?

— Тот, в который мне особенно не везёт.

— Как приветствуют хозяина дома?

— Желательно без оружия.

Сейра собрала монеты.

— С какого острова?

Тавр шумно вдохнул.

— Нерр, — сказала я.

— Что там выращивают?

— Людей, которые задают меньше вопросов.

— На Нерре солёные болота. Там говорят иначе и не носят такую ткань.

Она взяла край моего чёрного платья, сушившегося на спинке стула. Провела ногтем по шву.

— Нить ровная, стежки мелкие. Не островная работа. Не городская тоже.

— Я далеко ехала.

— Откуда?

— Не знаю.

— Это удобнее острова.

— Зато правда.

Тавр перестал разглядывать шкаф.

Сейра отложила платье.

— Что произошло на заставе?

— Дознаватель Кавен Рут спросил имя. Почти развязал повязку. Потом начальник заставы решил меня пропустить.

— Сам решил?

Я провела пальцем по краю стола. В дереве остались царапины от счёта.

— Я попросила.

— Сейра, — начал Тавр.

— Молчи. Ты уже привёз мне ответ с церковной заставы.

Она снова посмотрела на меня.

— Как попросила?

— Улыбнулась. Он хотел понравиться. Я это почувствовала.

— И?

— Потянула.

— За что?

— За желание.

Тавр выругался вполголоса.

Сейра не изменилась в лице.

— Он мог отказать?

— До этого мог.

— После?

Я вспомнила расширенные зрачки Ревека и его растерянное «я разрешил?».

— Не уверена.

— Значит, нет.

— Я отпустила.

— После приказа.

— Мы бы иначе не прошли.

— Я не спрашивала, было ли удобно.

Внизу что-то тяжело упало. Следом раздался крик.

Сейра поднялась первой.

— Сиди.

Она вышла. Тавр задержался у двери.

— В прачечной обещали работу, — сказала я.

— Не лезь.

Снизу снова закричали. На этот раз голос ответил руганью, потом звякнул металл.

Я пошла за Тавром.

В общем зале люди отступили к стенам. Между каменными лежаками стояли двое мужчин в коротких шахтёрских штанах. Один был широкий, с чёрной пылью в складках кожи; второй — жилистый, с обожжённой щекой. На полу валялся перевёрнутый кувшин.

У двери застыл мальчик, который приносил уголь в прачечную.

— Нэву позови, — бросила ему Сейра. — Быстро.

Мальчик выскочил в коридор.

— Скажи ещё раз, — произнёс широкий.

— Твой брат полез в крепь после сигнала, — ответил второй. — Я его не толкал.

— Ты закрыл проход.

— Чтобы остальные вышли.

Широкий ударил его в рот.

Голова мужчины дёрнулась. Кровь брызнула на мокрый камень. Сейра шагнула между ними, но жилистый оттолкнул её локтем и схватил скамью.

Тавр перехватил здоровой рукой край дерева. Травмированное плечо сразу просело.

— Отпусти, — сказал он.

— Уйди, возница.

— С удовольствием. Скамью оставь.

Широкий снова полез вперёд. Я увидела, как в нём ходит злость: плечи подняты, кулаки прижаты к телу, взгляд всё время срывается на кровь у чужого рта. Но под злостью находилось другое.

Стыд.

Он боялся, что брат умер по собственной глупости и винить больше некого. Жилистый стыдился, что выбрал остальных и закрыл проход перед одним человеком. Оба хотели наказания, только каждый предлагал другого.

В левом запястье кольнуло.

Я не звала связь. Она возникла сразу с двух сторон, две натянутые верёвки, мокрые от пара и пота. Мужчины смотрели друг на друга, но их тела уже слышали меня.

— Хватит, — сказала я.

Никто не послушал.

Широкий замахнулся. Жилистый рванул скамью на себя. Тавр потерял равновесие.

Я схватилась за обе верёвки.

Жар прошёл от запястья к груди и ниже. В общем зале стало тихо. Не потому, что люди перестали говорить: я слышала капли, тяжёлое дыхание, скрип босой пятки по камню. Просто всё лишнее отступило.

Я потянула стыд наружу и смешала его с тем, что оба прятали под дракой: с желанием быть удержанными, прижатыми, избавленными хотя бы на минуту от необходимости доказывать свою правоту кулаками.

Широкий застыл с поднятой рукой.

Жилистый отпустил скамью. Она стукнула ножкой по полу.

Они смотрели друг на друга. Злость осталась, но тела ответили иначе. У широкого сбилось дыхание. Жилистый провёл языком по разбитой губе и резко отвёл глаза.

Связь качнулась между ними и прошла через меня. Кожа под халатом покрылась потом. Пустота после заставы заполнилась горячей тяжестью так быстро, что я вцепилась ногтями в ладонь.

— Сядьте, — сказала я.

Оба сели на разные края лежака.

Я отпустила.

На этот раз связь оборвалась сразу. Широкий опустил голову. Жилистый вытер кровь и отодвинулся, оставляя между ними место.

Входная дверь распахнулась.

Женщина в тёмной кожаной куртке вошла с поднятой дубинкой. За ней появились двое стражников в кольчужных воротниках. У женщины были коротко обрезанные седые волосы и сломанный когда-то нос. Она остановилась, увидев двух сидящих шахтёров и Сейру между ними.

— Кого бить? — спросила она.

— Уже никого, — ответила Сейра.

— Тогда зачем послали мальчишку за стражей?

— В начале было кого.

Женщина опустила дубинку и подошла к шахтёрам.

— Имена.

Они назвались. Она заставила каждого открыть рот, осмотрела кровь, спросила, кто ударил первым. Широкий признался. Жилистый не стал отрицать скамью.

— По два медных в городскую кассу, — сказала женщина. — Ещё по два Сейре за кувшин и перепуганных голых людей.

— Кувшин один, — возразил широкий.

— Второй за мою прогулку.

Он полез за кошелём.

Женщина повернулась к Сейре.

— Тебе тоже два.

— За что?

— За драку в общем зале.

— Я её остановила.

— Когда я вошла, они сидели тихо, а у твоей гостьи дымится рука.

Я посмотрела на повязку. Над узлом поднималась тонкая белая струйка.

Тавр закрыл глаза.

— Нэва, — сказала Сейра. — Не здесь.

— Именно здесь.

Капитан подошла ко мне. Я определила должность по тому, как стражники держались на полшага позади и не пытались участвовать.

— Имя.

— Рада Черемис.

— Я Нэва Дорн. Что сделала?

— Попросила их сесть.

— Голосом?

— В том числе.

Она взяла моё левое запястье. Я дёрнулась, но Нэва уже отпустила.

— Горячая.

— После дороги.

— Дорога у тебя под повязкой?

Сейра положила две монеты на край лежака.

— Штраф оплачен.

Нэва не посмотрела на деньги.

— Следующая жалоба на чары — и Белый Шов получит право опечатать зал до разбирательства. Им не потребуется найти знак. Достаточно трёх свидетелей, что люди здесь потеряли волю.

— Никто не потерял, — сказала я. — Они перестали драться.

Широкий поднял голову.

— Я не хотел садиться.

Жилистый потрогал разбитую губу.

— Я тоже.

В зале стало теснее, хотя никто не приблизился.

Нэва забрала монеты.

— До вечера уберите кровь. И человека у булочной тоже уберите. Он пугает покупателей.

— Он твой? — спросил Тавр.

— Если бы был мой, ты бы его не заметил.

Она кивнула стражникам. Дверь закрылась за ними.

Шахтёры разошлись в разные стороны. Широкий остановился у выхода, посмотрел на второго, но ничего не сказал.

Сейра дождалась, пока общий зал снова наполнился осторожными голосами.

— В счётную, — сказала она мне.

— Я остановила драку.

— В счётную.

На этот раз Тавр не пошёл с нами.

Сейра закрыла дверь и поставила на стол пустую миску.

— Ещё хочешь назвать это просьбой?

— Они могли покалечить друг друга.

— Соглашались?

— На драку тоже никто не соглашался.

— Я спросила про твоё вмешательство.

— Нет.

Слово вышло короче, чем хотелось.

Сейра села.

— Ты можешь остаться до закрытия. Потом уйдёшь.

— К человеку с чистыми подошвами?

— Выбирай другую дверь.

— У меня нет денег, я не знаю города и не могу прочитать вывески.

— Это не делает чужую голову твоей собственностью.

Я посмотрела на повязку. Дым исчез, зато под полотном появились влажные красные пятна.

— Если бы Нэва вошла на секунду раньше, она ударила бы одного из них дубинкой.

— Возможно.

— Это лучше?

— Удар видно. Синяк можно показать страже, лекарю, соседям. Твои шахтёры сейчас сами не понимают, почему сели.

— Они живы.

— Да. Поэтому у тебя ещё есть возможность спросить их завтра, хотят ли они когда-нибудь повторить.

Снизу зазвонил колокол. Сейра встала и открыла шкаф за своей спиной. Внутри стояли книги разной толщины, перевязанные шнурами.

— Закрываемся через час. Поможешь собрать бельё.

— А потом?

— Посмотрю, умеешь ли ты слышать слово «нет», когда замёрзла.

До закрытия я таскала мокрые простыни из сушильной комнаты, складывала халаты и выливала воду из тазов. Посетители уходили по одному и парами. Некоторые смотрели на повязку. Никто не спрашивал.

Тавр вышел за оставленной в переулке повозкой и загнал её во двор. Под тентом остались мешки и вещи паломников. Наблюдателя у булочной уже не было. Тавр проверил оба конца переулка, затем запер ворота изнутри.

Когда последний посетитель ушёл, Сейра зажгла в счётной вторую лампу. На стол легли три книги. Первая была новой, вторая пахла плесенью, у третьей разбух корешок.

— Книги посещений, — сказала Сейра. — И долгов. Здесь люди моются, встречаются, договариваются о работе, иногда прячутся от супругов. Имена всё равно оставляют, если платят долей двора.

Она раскрыла старую книгу и провела пальцем по столбцам.

— Читать умеешь?

— Не это.

— Тогда смотри на пустоты.

На нескольких страницах строки были перечёркнуты одинаковой чёрной чертой. Рядом стояли небольшие знаки зашитого рта.

— Уехали, — прочитал Тавр через моё плечо. — По церковной отметке.

Сейра перевернула страницу.

— Одиннадцать человек за неделю. Каменщик с двумя дочерьми, прачка, трое угольщиков. Все якобы уехали. Долговые доли остались у меня, инструменты — в мастерских, одежда — в сушильной.

— Когда?

— Перед прошлым Великим очищением.

Она открыла другую книгу. Там было девять перечёркнутых строк.

— А это ещё раньше.

— У них были знаки?

— У двоих видела пятна на запястьях. Не такие, как у тебя. У одной женщины металл дымился рядом с кожей. Через три дня в книге появилась отметка об отъезде.

Я вспомнила женщину у заставы, рубаху в руках её дочери и боковую дверь.

— Когда следующее Очищение?

Сейра закрыла книгу, прижав ладонью вздувшуюся обложку.

— Через три недели.

— Что очищают?

— По объявлению — город от распущенности, тайных чар и непослушания. На площади читают имена, проверяют дома, забирают долговые книги. Потом часть людей уезжает, не забрав сапог.

— Архив на заставе?

— В монастыре. Старые дознания держат там. Новые имена сначала проходят через городскую канцелярию, потом попадают к Белому Шву.

Тавр положил обожжённую ладонь на стол.

— Кавен уже знает её имя.

— И купальни, — сказала Сейра. — Если хвост был его.

Я подвинула к себе старую книгу. Буквы оставались чужими, зато чёрные черты читались без перевода.

— Вы хотите, чтобы я ушла?

— Хочу, чтобы завтра ты не трогала чужую волю, когда тебе станет удобно.

— Это не ответ.

— Утром я позову шесть взрослых людей и расскажу им не больше того, что знаем мы. Каждый заранее скажет, чего хочет, чего не хочет и как остановить происходящее. Если согласишься работать по их словам, получишь еду, одежду и место на неделю.

— А если не получится?

— Уйдёшь после завтрака.

— Щедро.

— Завтрак вычту из работы в прачечной.

Она протянула мне чистую полосу полотна для запястья.

Я посмотрела на перечёркнутые имена, затем на дверь шкафа, за которой оставались остальные книги.

— Шесть человек, — сказала я. — И любой может остановить.

— Любой.

— Включая меня.

Сейра кивнула.

Я размотала влажную повязку. Красные ответвления под ней дошли почти до середины предплечья.

Сейра не коснулась руки. Она пододвинула лампу ближе и положила чистое полотно рядом.

Глава 4: Правила отклика

Утром на столе лежали шесть дощечек, кусок мела и медный колокольчик.

— Это зачем? — спросила я.

Сейра поставила рядом кувшин с водой.

— Чтобы ты не могла сказать, будто чего-то не слышала.

Малая парная ещё не прогрелась. В каменной печи потрескивали дрова, от пола тянуло ночным холодом. Вдоль стен стояли три широких лежака. Окно Сейра закрыла ставнями, дверь оставила открытой.

Я сидела в коротком халате. Под ним кожа пахла вчерашним мылом. На левом предплечье лежала свежая повязка; красные линии за ночь не отступили, но перестали мокнуть.

Тавр устроился в коридоре на табурете. Левую руку лекарь прибинтовал к груди. Правой он чистил яблоко ножом мародёра.

— Его всё-таки записали оружием без ножен, — сказала я.

— Теперь есть ножны.

— Чьи?

— Лишние.

Сейра отобрала у него яблочную кожуру и выбросила в ведро.

— Внутрь неходишь.

— Не собирался.

— За дверью тоже не подслушиваешь.

— Тогда зачем посадила здесь?

— Чтобы ловил тех, кто выйдет не через эту дверь.

Тавр посмотрел на стену, затем на потолок.

— У тебя есть другая дверь?

— Теперь будешь искать до полудня.

Пришли пятеро. Шестого ждали дольше.

Первой вошла женщина с руками, красными от глины. Представилась Мартой, сняла шерстяную куртку и сразу спросила, сколько заплатят. За ней появился пожилой мужчина с деревянной распоркой на правом колене. Его звали Элвин; он хромал, но отказался от помощи. Две сестры-красильщицы назвались Лисой и Ханной. Они были похожи только рыжими пятнами на пальцах. Пятый, широкоплечий пекарь Борн, принёс мешок тёплых лепёшек и потребовал считать его вкладом в общее дело.

Сейра пересчитала людей.

— Где шестой?

— Во дворе спрашивал, точно ли всё добровольно, — ответила Марта.

— Разумный вопрос.

Шестой вошёл, пока она говорила. Молодой мужчина в тёмной рубахе прикрыл за собой дверь и назвал себя Ореном. На левом запястье у него был широкий кожаный браслет. Он оглядел парную, меня и дощечки.

— Я могу уйти в любой момент?

— Можешь уйти сейчас, — сказала Сейра.

— Я спросил про потом.

— Тоже можешь.

Она закрыла дверь и раздала дощечки.

— Писать умеют все?

Лиса подняла руку.

— Я читаю, но мел путаю.

— Ханна запишет с твоих слов. Потом прочитает вслух.

Сейра повернулась ко мне.

— Начинай.

— Что начинать?

— Перечисляй, что собираешься делать.

Шесть человек смотрели на меня. Марта уже взяла лепёшку. Борн следил, чтобы она не отломала слишком много.

— Я пока не знаю, — сказала я. — В этом смысл проверки.

— Тогда проверка закончилась.

Сейра протянула руку к колокольчику.

— Хорошо. Я могу касаться рук, плеч, шеи, лица. Могу целовать. Могу снять халат, если никто не против. Могу заставить вас почувствовать чужое возбуждение.

— Заставить? — спросила Ханна.

— Передать. Если вы разрешите.

— Это разные слова, — сказала Сейра.

— Сегодня — разные.

Она записала что-то на своей дощечке.

— Дальше.

— Я не буду причинять боль. Не буду приказывать двигаться. Не стану удерживать человека, если он захочет выйти. Не полезу под одежду без отдельного разрешения.

Марта прожевала лепёшку.

— А с отдельным?

— Посмотрим, сколько Сейра платит.

— Нисколько, — ответила Сейра. — Вы получаете баню, еду и право первыми узнать, опасна ли она.

— Значит, платят страхом, — буркнул Борн.

— Ты принёс лепёшки добровольно.

— Уже жалею.

Сейра заставила каждого назвать границы вслух. Марта разрешила касаться рук, спины и груди, но запретила лицо. Элвин согласился только на ладони и больное колено. Лиса не хотела раздеваться и попросила не передавать её ощущения сестре. Ханна разрешила объятия и поцелуй, если сама потянется первой. Борн заявил, что разрешает всё выше пояса, кроме волос. Орен сказал:

— Без ограничений.

Сейра даже не подняла головы.

— Так не бывает.

— У меня бывает.

— Назови хотя бы одно «нет».

Он улыбнулся.

— Не ломать кости.

— Ещё.

— Не душить.

— Ещё.

— Не заставлять говорить.

Мел скрипнул по дощечке.

После границ Сейра потребовала выбрать общий знак остановки. Борн предложил слово. Лиса возразила, что голос может пропасть. Элвин поднял два пальца.

— Увидят не все, — сказала Ханна.

Марта ударила ладонью по лежаку. Камень отозвался глухо.

— Вот это услышат.

Сошлись на трёх ударах ладонью по любой твёрдой поверхности. Колокольчик остался у Сейры. Если она звонила, прекращалось всё, даже если никто из участников не просил.

— А если я не соглашусь? — спросила я.

— Тогда ничего не начнётся.

— Я про остановку.

— Твои три удара равны любым другим.

Она сказала это без паузы. Я кивнула.

Парная нагрелась. Сейра плеснула воду на камни, и первый пар поднялся к потолку. Люди сняли верхнюю одежду. Никто не торопился. Лиса осталась в длинной рубахе, Элвин закатал штанину до колена, Борн разделся по пояс. Орен снял рубаху и положил браслет поверх неё так, чтобы пряжка оказалась снизу.

Я заметила движение, но не придала ему значения.

Сейра села у двери с колокольчиком на коленях.

— Кто первый?

Марта подняла красные от глины руки.

— Давай узнаем, зачем я потеряла утро.

Я села напротив. Её ладони были шершавыми и горячими. Вчера я почувствовала шахтёров раньше, чем решила вмешаться. Сейчас между нами ничего не возникло.

— Что вы хотите? — спросила я.

— Чтобы перестали ныть пальцы.

— Это всё?

— А должно быть интереснее?

Я провела большими пальцами по её ладоням. Марта смотрела спокойно. Никакой верёвки. Я наклонилась ближе, вдохнула запах глины и печного дыма.

— Можно поцеловать запястье?

— Можно.

Губы коснулись кожи.

Связь появилась без боли.

Она не натянулась между нами, а легла на ладони, как тёплая вода. Я почувствовала усталость в пальцах Марты, мелкие воспалённые суставы, удовольствие от тепла и любопытство. За ним не было приказа или голода. Можно было войти глубже, но дверь оставалась открытой в обе стороны.

Я направила тепло к её пальцам.

Марта выдохнула.

— Вот зараза.

— Больно?

— Наоборот.

Она согнула руки. Хрустнули два сустава.

— Ещё можно? — спросила я.

— Можно.

Красные линии под повязкой нагрелись, но не обожгли. От Марты пришло короткое удовольствие, простое и телесное. Я пропустила его через себя и вернула ослабленным. Она улыбнулась, не потеряв ни речи, ни выражения лица.

— Хватит, — сказала Марта через минуту.

Я разжала руки. Связь исчезла, оставив обычное тепло на коже.

— Пальцы не ноют, — сообщила она остальным. — Но я всё равно хочу оплату.

Напряжение в парной ослабло.

С Элвином получилось иначе. Он не хотел возбуждения и предупредил об этом трижды. Я положила ладони по обе стороны больного колена, не касаясь самого сустава. Связь возникла, когда он разрешил мне почувствовать боль. Она оказалась серой, тупой и старой. Под ней лежал стыд человека, которому приходится ждать, пока другие спустятся по лестнице.

Я не тронула стыд. Взяла только боль.

Она поднялась по рукам, застряла в локтях и распалась на тепло. Элвин осторожно согнул ногу.

— Не исчезло, — сказал он.

— Я и не обещала.

— Стало тише.

Он поднялся, сделал три шага и вернулся на место без распорки. Потом забрал её с пола.

— На лестнице проверю.

Лиса и Ханна сели рядом. Ханна сама коснулась губами моей щеки. Связь открылась сразу с обеими, но Лисина часть остановилась у кожи, не пропуская меня дальше. Я чувствовала её присутствие и больше ничего.

— Она закрыта, — сказала я.

Лиса напряглась.

— Это плохо?

— Это ваше.

Ханна положила руку мне на плечо. От неё пришло желание — мягкое, смешанное со смехом и страхом сделать что-нибудь нелепое перед сестрой. Я позволила ему пройти через грудь и вернуться к ней. Ханна вздрогнула. Лиса ничего не почувствовала.

— Точно ничего? — спросила Ханна.

— Твои пальцы у неё на плече. Это вижу.

— А остальное?

— Не моё дело.

Сейра провела ногтем по своей дощечке.

— Продолжайте.

Ханна потянулась ко мне первой. Поцелуй вышел коротким. Её удовольствие отозвалось в животе, но не стало чужим приказом. Я могла усилить его. Вместо этого удержала ровно столько, сколько пришло.

Лиса наблюдала. В какой-то момент она сама протянула ладонь. Я коснулась кончиков пальцев и получила только любопытство. Его хватило, чтобы связь замкнулась между тремя людьми без вторжения в остальное.

Борн сел последним из тех, кто не вызывал подозрений. Он долго уточнял, не выпадут ли волосы, хотя запретил их касаться.

— Не выпадут, — сказала я.

— Откуда знаешь?

— Не знаю. Но если выпадут, Сейра заплатит.

— Нисколько, — напомнила она.

Он разрешил провести ладонями по груди и плечам. Под кожей чувствовалась сила человека, который каждое утро месил тяжёлое тесто. Его желание было направлено не на меня. Борн смотрел на Марту. Она заметила и показала ему язык.

Я могла передать ей его тепло. Спросила обоих.

— Передавай, — сказала Марта.

Борн кивнул.

Связь прошла через меня к ней. Марта прикрыла глаза. Борн рассмеялся, почувствовав её ответ. Внутри контура оказалось легче дышать. Каждый человек оставался отдельным, но разрешённые ощущения двигались между ними без сопротивления.

Я впервые поняла, что до этого тянула не за верёвки. Я затягивала петли.

Здесь никто не натягивался. Сила появлялась в местах, которые люди открывали сами: в усталости рук, боли колена, смехе, желании быть увиденным и праве оставить часть себя закрытой. Возбуждение помогало, но не заменяло разрешения. Без уязвимости оно оставалось телесной реакцией, удобной и пустой.

Красные линии под повязкой светились ровно. Ответвления на предплечье перестали ползти вверх.

Сейра ударила ногтем по краю колокольчика, не заставив его звенеть.

— Разомкни Марту и Борна. Остальных оставь.

Я представила связь нитью и тут же поняла, что выбрала плохой образ. Нить хотелось перерезать, а в контуре нечего было резать. Я убрала ладонь с плеча Борна и перестала удерживать его внимание. Тепло между ним и Мартой истаяло само. Ханна по-прежнему ощущалась рядом; любопытство Лисы едва касалось края сознания. Боль Элвина лежала отдельным тяжёлым пятном.

— Ну? — спросил Борн.

— Что «ну»? — Марта открыла глаза.

— Исчезло.

— Значит, работает.

Он посмотрел на меня с обидой, будто я унесла обещанную лепёшку.

— Верни.

— Марта? — спросила я.

Женщина размяла пальцы, прислушиваясь к ним.

— На один вдох.

Я восстановила связь. Борн втянул воздух, Марта улыбнулась, а затем сама отвела мою руку. Тепло пропало прежде, чем она успела выдохнуть. Никакого рывка, боли или голода не последовало.

— Ещё раз, — распорядилась Сейра. — Теперь пусть выйдет Лиса.

Лиса убрала пальцы. Контур стал меньше, но не рухнул. Она отошла к стене и потёрла ладонь о рубаху.

— Что-нибудь осталось? — спросила я.

— Жарко.

— Здесь парная, — заметил Элвин.

— Вот именно. Больше ничего.

Сейра велела Ханне выйти следом, затем вернуться без прикосновения. Та села напротив меня и спросила, достаточно ли взгляда. Я не знала. Мы попробовали. Связь не появилась, пока Ханна не сказала вслух, что разрешает вернуть прежнее ощущение. После этих слов отклик пришёл слабее, чем от поцелуя, однако я узнала его сразу.

— Значит, дело не в коже, — сказала Ханна.

— И не в словах, — ответила я. — Ты могла сказать то же самое и не открыть ничего.

— А ты могла сделать вид, что не заметила разницы?

Я посмотрела на Сейру. Та ждала ответа, положив ладонь на колокольчик.

— Могла. Поэтому одна я это проверять не буду.

Сейра впервые за утро кивнула без замечания. Она заставила меня повторить упражнение ещё дважды: сначала с Элвином, который остановил передачу боли поднятой ладонью, потом с Мартой, отзывавшей разрешение посреди касания. Оба раза отклик исчезал сразу. Метка сохраняла накопленное тепло, но не позволяла продолжить закрытый путь.

— Кто хочет остаться в общем контуре? — спросила Сейра.

Марта снова протянула руки. Борн положил ладонь ей на плечо, получив отдельный кивок. Элвин разрешил вернуть только приглушённую боль, Ханна — тепло от прежнего поце-

луя. Лиса осталась у стены, но коснулась кончиками пальцев моей свободной руки, сохранив за собой только любопытство. Я собрала отклики заново, по одному, и дождалась согласия каждого, прежде чем связать их вместе.

— Я тоже хочу, — сказал Орен.

Он сидел ближе, чем раньше. Рубаха и браслет остались на лежаке.

— Что именно? — спросила я.

— Всё, что было с ними. Сильнее.

— В твоих границах нельзя заставлять говорить.

— Я и не прошу говорить.

— Руки, плечи, грудь?

— Да.

Я протянула ладони. Он взял их сам и прижал к груди.

Связь возникла слишком быстро.

Орен открылся широко, почти без сопротивления. Желание хлынуло в меня горячей волной. В нём не было той осторожности, которую я чувствовала у остальных. Он словно заранее знал, куда толкнуть.

— Медленнее, — сказала я.

— Я разрешил сильнее.

— Я не разрешила.

Он ослабил хватку, но не отпустил рук.

Сейра подняла колокольчик.

— Всё в порядке, — сказала я.

Это прозвучало раньше, чем я решила.

Орен улыбнулся. Контур, собранный из остальных, ещё держался вокруг нас. Он потянулся к нему через меня. Марта выпрямилась. Ханна перестала улыбаться.

— Не бери чужое, — сказала я.

— Они согласились делиться.

— Не с тобой.

Он провёл пальцами по моему левому предплечью и зацепил край повязки.

Прикосновения к запястью в его границах не было. Моё тоже никто не спрашивал.

Я отдёрнула руку.

Орен схватил узел.

Лиса ударила ладонью по камню.

Раз.

Орен дёрнул ткань.

Два.

Я почувствовала, как его желание меняется. Под возбуждением лежало ожидание. Не любопытство — готовность увидеть определённый результат. Он хотел, чтобы я сорвалась, удержала его, заставила отпустить.

Три.

Контур требовал одного движения. Я могла сжать его желание, как у Ревека. Могла поставить Орена на колени и продолжить связь с остальными, не потеряв накопленное тепло.

Я ударила ладонью по лежаку три раза вслед за Лисой.

Потом разорвала весь контур.

За дверью скрипнул отодвинутый табурет.

Тепло вышло из тела сразу. Колени ослабли. Боль Элвина вернулась в мои руки коротким серым толчком, смех Ханны оборвался, желание Борна исчезло. Красные линии вспыхнули и погасли под повязкой.

Марта выругалась.

Орен остался передо мной. Без общей связи он оказался просто мужчиной, державшим меня за бинт.

— Отпусти, — сказала я.

Он отпустил.

Сейра позвонила в колокольчик. Звук ударил по камню и пару.

— Проверка закончена. Все одеваются.

— Из-за одного? — спросил Орен.

— Из-за трёх ударов.

— Я остановился.

Лиса показала на край повязки в его пальцах.

— После третьего.

— Я не понял.

— Остальные поняли, — сказала Сейра.

Орен шагнул к рубаше. Поднял её вместе с браслетом. Кожаная полоска перевернулась.

На внутренней стороне блеснула маленькая белая пластина с вырезанным знаком зашитого рта.

Тавр появился в дверях.

— Красиво, — сказал он.

Орен бросился не к выходу, а к дальней стене.

Тавр оказался прав: там была другая дверь. Узкая створка вела к лестнице для золы. Орен распахнул её и выскочил в коридор.

Тавр не стал хватать его больной рукой. Подставил ногу. Орен перелетел через ступеньку, ударился плечом о стену и упал. Тавр сел ему на поясницу и прижал правое запястье к полу.

— Не ломать кости, — напомнил он. — Сам написал.

Сейра велела остальным остаться в парной. Я вышла за ней. Ноги дрожали после разрыва контура, поэтому пришлось держаться за косяк.

Тавр снял с Орена браслет. Белая пластина была пришита к коже четырьмя тонкими нитями. В кармане рубашки нашёлся сложенный лист с синей печатью.

— Читать умеешь? — спросила я.

— Когда выгодно.

Он развернул лист одной рукой. Сейра забрала его и поднесла к окну.

— Канцелярия прелата Одвена Кроя, — прочитала она. — Допуск в купальни. Наблюдение за проявлением запретного дара. Свидетельство утраты воли получить до полудня.

Орен поднял голову.

— Я никого не заставлял.

— Ты хотел, чтобы заставили тебя, — сказала я.

— Это не преступление.

— Для меня сегодня оказалось дорогим.

Сейра продолжила читать.

— В случае подтверждения передать сведения распорядителю торгов. Лот... — Она назвала число. — Дата — послезавтра.

Сейра поднесла лист ближе к окну.

— Здесь ещё строка мелким письмом: одежда, долговые жетоны и рабочие инструменты задержанных. Перед продажей снять прежние имена.

Тавр перестал улыбаться.

— Повтори номер.

Сейра повторила.

— Знаешь? — спросила я.

— Теперь знаю, какую услугу ты мне окажешь.

— Мы договаривались назвать её заранее.

— До торгов два дня. Это заранее.

Он поднялся с Орена и заставил того сесть у стены. Молодой мужчина потирал запястье.

— Что за лот?

— Вещи людей, которые официально уехали из города, — сказал Тавр.

Сейра сложила письмо по старым сгибам.

— Ты возишь тела, я стираю бельё, а орден торгует чужими жизнями. У каждого своё ремесло.

Из парной выглянула Марта.

— Нам можно выйти или мы теперь свидетели государственной тайны?

— Вы свидетели того, что три удара сработали, — ответила Сейра. — Остальное услышите, когда оденетесь.

— Пальцы снова ноют.

— Потому что контур остановили.

Марта посмотрела на меня.

— Правильно остановили.

Она вернулась внутрь.

Сейра отвела Орена в кладовую и заперла дверь. Тавр остался у порога. Я вернулась в малую парную.

Люди одевались медленно. Элвин снова закрепил распорку на колене. Лиса держала дощечку с границами, Ханна читала свою. Борн раздавал остатки лепёшек.

— Это всё было зря? — спросил он.

— Нет, — сказала Сейра из дверей. — Вы узнали, что она может остановиться.

— А боль вернулась, — заметил Элвин.

— Значит, она не украла её навсегда вместе с частью тебя.

Он подумал и кивнул.

Сейра собрала дощечки. Лисину отдала Ханне и заставила ещё раз прочитать вслух. Потом связала все шесть шнуром.

— Они останутся у меня.

— Почему не сжечь? — спросила я.

— Потому что завтра ты снова решишь, что достаточно хорошего намерения.

— Я остановилась.

— После того как Лиса ударила первой.

— Я повторила.

— Поэтому остаёшься на неделю.

Это не прозвучало похвалой. Сейра убрала дощечки в шкаф и заперла.

Тавр ждал в коридоре с письмом и последней лепёшкой.

— На торгах тебе понадобится одежда, — сказал он.

— У меня есть платье.

— В нём тебя примут за лот.

— А кем нужно выглядеть?

— Женщиной, которая покупает лоты вместе с владельцами.

— Значит, дорого.

— Значит, очень дорого.

Он откусил лепёшку и протянул письмо Сейре. Синяя печать осталась целой.

За дверью кладовой Орен ударил кулаком один раз. Потом второй.

Третьего удара не последовало.

Глава 5: Торги пустыми именами

Через день после проверки Сейра принесла платье, которое стоило дороже купален за хороший день.

Сейра сообщила это, затягивая шнуровку у меня на спине. Тёмно-зелёная ткань держала грудь без бретелей, расширялась от талии и заканчивалась на ладонь выше щиколоток. Вышивка по краю изображала переплетённые медные листья. Каждый лист, по словам Сейры, прибавлял к цене ещё одну ночь с полными залами.

— Дышать обязательно? — спросила я.

— Для богатой женщины — нежелательно. Мешает осанке.

Она дёрнула шнур сильнее.

Я упёрлась ладонями в стол. Повязка на левой руке осталась под длинной перчаткой из тонкой кожи. Красные линии с утра вели себя спокойно, и я не собиралась выяснять, как они отнесутся к толпе покупателей.

Тавр сидел у двери и считал монеты Сейры. Левую руку он уже не привязывал к груди, но держал близко к телу. Перед ним лежали две серебряные пластинки, горсть меди и долговая доля угольного двора.

— Этим покупать людей? — спросила я.

— Вещи, — ответил он.

— Вместе с владельцами, говорил ты.

— Я говорил, как тебе выглядеть.

Сейра сунула мне в волосы две медные шпильки и отошла на шаг.

— Выглядишь так, будто можешь купить владельца, а потом вернуть из-за плохого ухода.

— Подойдёт.

— Покупателем буду я, — сказала она. — Ты задаёшь вопросы. Тавр следит, чтобы нас не выгнали до нужного лота.

— А если выгонят после?

— Тогда услуга всё равно оплачена, — сказал Тавр.

Я посмотрела на него через зеркало. Он не улыбался.

— Ты ведь не ради одежды туда идёшь.

— Ради долга.

— Чьего?

— Твоего. Остальные потом.

Сейра накинула мне на плечи короткий плащ с меховой каймой. Мех пах лавандой и чужими духами.

— Магию не используешь, — сказала она.

— Не собиралась.

— Поэтому повторяю при свидетеле.

Тавр поднял здоровую руку.

— Слышу. Если у распорядителя потекут слюни, это его собственная работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.